

О ПРЕДМЕТЕ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ¹

А.Г. АСМОЛОВ

В последнее время в целом ряде исследований все настоятельнее звучит мысль о необходимости осмысления всего ценного, что накоплено в разных направлениях советской психологии по проблеме психологии личности, и вычленения предмета психологии личности (см. об этом: Л.И. Анциферова, 1981; В.В. Давыдов, 1979; Б.Ф. Ломов, 1981; А.В. Петровский, 1981; Е.В. Шорохова, 1982). Сегодня различные направления изучения личности, представленные школой Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева, школой Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия, школой С.Л. Рубинштейна, школой Б.М. Теплова и школой Д.Н. Узнадзе, практически не пересекаются между собой. Одной из причин, препятствующих возникновению продуктивного диалога о предмете психологии личности, является задаваемое, как правило, логикой эмпирических исследований допущение о существовании некоей универсальной феноменологии, которая фактически приводит к описанию предмета психологии личности как одномерного, а не системного образования. Исходное же представление о личности как гетерогенном системном образовании поможет психологам разных направлений более рельефно увидеть особое пространство в системе единого предмета психологии личности и повлечет за собой появление двух классов задач: а) изучение специфики полученных ими фактов, используемых методов и обнаруженных закономерностей как фактов, методов и закономерностей, характеризующих какую-либо особую грань такого многогранного объекта, как личность; б) выявление общих «сквозных» закономерностей и наведение концептуальных мостов между различными сферами изучения личности. Для решения этих задач представители различных подходов должны, отказавшись от собственного эгоцентризма, рассмотреть взгляды, факты и методы изучения личности, полученные в других направлениях психологии, в контексте единой концептуальной основы. Одна из попыток подобного рассмотрения и будет предпринята в этой работе.

В качестве отправной точки для дальнейшего анализа различных подходов к изучению личности нами избрана следующая характеристика предмета психологии личности: «Личность ≠ индивид; это особое качество, которое *приобретается* индивидом в обществе, в целокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид *вовлекается*... Иначе говоря: личность есть *системное* и поэтому *«сверхчувственное»* качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами. Они, эти свойства, составляют лишь условия (предпосылки) формирования и функционирования личности, как и внешние условия и обстоятельства жизни, выпадающие на долю индивида. С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: *иное*, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это—исследование его *места, позиции* в системе, которая есть система общественных связей, *общений*, которые открываются ему; это — исследование того, *что ради чего* и *как* использует человек врожденное ему и приобретенное им (даже черты своего темперамента и уж, конечно, приобретенные знания, умения, навыки... мышление)» (А.Н. Леонтьев, 1983, с. 385).

Приведенная характеристика предмета психологии личности представляет собой пример той абстракции, развертывая которую можно создать конкретную картину психологии личности. Для того чтобы развернуть эту абстракцию, нужно, во-первых, как можно резче обозначить содержащиеся в ней ориентиры, задающие общую логику построения предмета психологии личности, и, во-вторых, указать конкретные области психологии личности, высвечиваемые этими ориентирами

Первый ориентир — это *разведение понятий «индивид» и «личность»*, необходимость которого для психологического анализа личности признается практически всеми общепсихологическими направлениями советской психологии, каких бы различных интерпретации этих понятий их представители ни придерживались (см., например; *Б.Г. Ананьев*, 1980; *Б.Ф. Ломов*, 1981; *С.Л. Рубинштейн*, 1973; *Б.М. Теплов*, 1964; *Ш.А. Надирашвили*, 1974). И это не удивительно, так как без данного разграничения вряд ли возможно подступиться к решению проблемы соотношения биологического и социального в личности, а также связанных с этой проблемой вопросов о детерминантах развития личности и о соотношении ее формально-динамических и содержательных характеристик.

Второй ориентир — это *выделение предметной деятельности как системообразующего основания личности*. Именно деятельность, реализующая объективные общественные отношения человека в мире, представляет собой

субстанцию личности, ее индивидуального сознания. Именно преобразуясь в деятельности, свойства индивида вносят свой вклад в развитие личности. Субстанция понимается здесь в том смысле, который вкладывается в это понятие в диалектическом материализме. «Материализм, — отмечает *В.П. Кузьмин*, — использует понятие субстанции... для раскрытия необходимой зависимости, связи между явлением и главным основанием данной группы явлений. Например, труд как субстанция стоимости» (*В.П. Кузьмин*, 1976, с 47).

Точно так же, как труд в «Капитале» *К. Маркса* представляет собой материальное основание такого сверхчувственного системного образования как стоимость, совокупность деятельностей, реализующих общественные отношения, выступает как основание для группы системных качеств, обозначаемых понятием «личность». Если мы вводим предметную совместную деятельность в качестве исходного пункта и метода анализа личности, то сразу же отказываемся от статичного «вещного» понимания личности, ее структуры и указываем, что основной формой существования личности является ее развитие.

Третий ориентир — *новая схема детерминации развития личности*. На смену метафизическим двухфакторным концепциям детерминации развития личности, будь то конвергенция двух факторов — среды и наследственности (*В. Штерн*) или же их конфронтация в форме столкновения «оно» и «сверх-я» (*З. Фрейд*), должна прийти принципиально иная схема, раскрывающая взаимоотношения между «индивидом» и «личностью» (см., например: *Л.Я. Гальперин*, *А.В. Запорожец*, *С.Н. Карпова*, 1978) В ней выделяются три следующих момента, *свойства индивида как органические предпосылки развития личности, социальная среда как условие развития личности и противоречия в системе предметной деятельности как движущая сила развития личности*. За каждым из этих моментов стоят различные и пока недостаточно соотнесенные между собой особые области изучения личности. Представления об органических предпосылках развития личности остаются на уровне слов, если не обратиться к богатым теоретическим конструкциям и эмпирическим данным, накопленным в дифференциальной психофизиологии. Вместе с тем исследования по дифференциальной психофизиологии будут напоминать «кошку, которая гуляет сама по себе», если не рассмотреть их предмет как органические предпосылки развития личности и тем самым включить его в контекст целостной системы знаний о психологии личности. Органические предпосылки, будь то от природы унаследованные задатки или темперамент, сами по себе не предрешают развитие способностей и характера, точно так же как социальные условия жизни сами по себе не определяют, вырастет ли в этих условиях пекущийся о своем благополучии приспособленец или же борец, готовый отдать жизнь ради рождения нового общества.

Подвергая анализу социальную среду как условие развития личности, мы неизбежно вторгаемся в область изучения проблем воздействия общества на личность, анализа

позиции личности в обществе, решение которых немислимо без обращения к социальной, исторической, возрастной и педагогической психологии. В свою очередь, каждая из этих дисциплин рискует свести, например, «личность» к «роли» или смешать «социальный характер» с «индивидуальным характером» в том случае, если другие детерминанты развития личности и сферы ее изучения не будут постоянно находиться хотя бы на периферии исследования этих областей психологической науки. Говоря о социальной среде как условии развития личности, мы хотим подчеркнуть, что среда, лишь будучи открыта ребенком как преобразованная совокупной деятельностью человека предметная, в марксистском смысле слова, действительность («поле значений», хранящих в себе различные общественно выработанные схемы поведения — социальные нормы, ценности, роли и т. д. — *А.Н. Леонтьев, 1979*), детерминирует развитие личности. До тех пор, пока ребенок не соприкоснется с этой предметной действительностью в процессе совместной деятельности с другими людьми, социальная среда не раскроется ему как мир культуры и общественной практики. Проникновение в этот мир, социализация ребенка приводят к усвоению различных социальных ролей, формированию социального характера, развитию способностей и т. п. При анализе роли социальной среды в развитии личности мы будем рассматривать личность как объект общественного развития, т. е. как бы попытаемся бросить взгляд на личность со стороны общества. При этом мы вполне осознанно будем абстрагироваться от того безусловного факта, что процесс социализации личности всегда есть процесс индивидуализации личности. В реальности личность не скована рамками заданных социальных ролей. Она — не пассивный слепок культуры, как это порой явно или неявно утверждается в зарубежных ролевых концепциях личности. В связи с этим исходно принятая при анализе движения от общества к личности абстракция, позволяющая увидеть личность в качестве объекта общественного развития, исчерпывает сферу своего влияния, как только мы переходим к анализу движения от личности к обществу и обращаемся к исследованию движущих сил развития личности и проявлений личности как субъекта деятельности.

Вооружившись ориентирами, задающими общую логику построения предмета психологии личности, мы далее попытаемся выделить общие и специальные задачи, встающие при изучении различных сфер психологии личности.

Индивидуальные свойства как органические предпосылки развития личности. Мы используем термин «индивидуальные свойства», введенный Б.Г. Ананьевым, так как он более однозначно, чем распространенный термин «индивидуальные свойства», ориентирует на изучение органических предпосылок развития личности. Под термин же «индивидуальные свойства» в психологии личности часто подводится все, что угодно, начиная от биохимических свойств организма и кончая социальным статусом личности в коллективе. С нашей точки зрения

именно индивидуальные свойства должны стать предметом дифференциальной психофизиологии. Они подразделяются Б.Г. Ананьевым на два класса: класс возрастнополовых свойств и класс индивидуально-типических свойств (конституция, нейродинамические свойства и особенности, связанные с функциональной асимметрией больших полушарий). Наивысшей формой интеграции первичных индивидуальных свойств являются темперамент и задатки.

Широкий фронт исследований нейродинамических свойств проведен школой Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына, работы которой заложили основы отечественной психофизиологии индивидуальных различий. В исследованиях этой школы, посвященных прежде всего анализу общих и частных свойств нервной системы, все отчетливее проступает тенденция к пониманию индивидуальных свойств именно как предпосылок развития личности, а не базы, на которой в виде второго этажа надстраивается

личность (см.: *Б.М. Теплов*, 1961; *В.Д. Небылицын*, 1976; *Э.А. Голубева*, 1980; *К.М. Гуревич*, 1970; *Н.С. Лейтес*, 1975; *И.В. Равич-Щербо*, 1978; *В.М. Русалов*, 1979, и др.). Эта же мысль проводится в работах *В.С. Мерлина* (1968) и *Е.А. Климова* (1969), указывающих на неправомочность выведения индивидуальных свойств личности из психодинамических индивидуальных свойств, вроде интроверсии — экстраверсии в трактовке Айзенка.

При всем своеобразии и межиндивидуальной вариативности индивидуальных свойств, будь то возрастная чувствительность, эмоциональность, интроверсия или нейротизм, все они характеризуют не содержательные, а *формально-динамические* особенности поведения личности, *энергетический* аспект протекания психических процессов (см.: *И.М. Палей*, *В.К. Гербачевский*, 1972). И об этом не следует забывать. В противном случае мы вступим на путь создания содержательных типологий личности на основе формальных свойств индивида. Все подобные типологии исходят из методологической предпосылки, предписывающей свойства «быть личностью» самой натуре индивида. И тут уже не принципиально, что будет положено в основание таких типологий: телосложение (*Э.Кречмер*), соматотип (*У. Шелдон*), интроверсия — экстраверсия (*Г. Айзенк*) или же рост, вес и т. п. Если дифференциально-психофизиологическое исследование оказывается в прокрустовом ложе двух факторов и мыслит личность как мифическое биосоциальное существо, то ему ничего другого не остается, как искать корреляции между рядами личностных и индивидуальных свойств или сводить один ряд к другому.

Если же индивидуальные свойства рассматриваются как органические предпосылки развития личности, то перед дифференциальной психофизиологией встает задача выявления тех преобразований, которые индивидуальные свойства претерпевают в процессе деятельности. Так, например, физиологический порыв (*drive*) вначале вызывает ненаправленную активность, а затем, опредметившись в том или ином объекте, начинает направлять деятельность личности. Формально-динамическая характеристика потребности при этом начинает выступать как побудительная сила мотива, которая может быть измерена (*В.В. Столин*, 1979). Другим примером влияния индивидуальных свойств на развитие личности является исследование того, как патологически измененные свойства нервных процессов сужают возможные в норме пути осуществления действий и операций и через это сужение приводят к формированию черт эпилептического характера личности

(*Б.В. Зейгарник*, *Б.С. Братусь*, 1980). Выявление такого рода закономерностей позволяет наметить некоторые точки роста психофизиологии индивидуальных различий.

От общества к личности: уровни анализа личности в системе общественных отношений и механизм социализации. Личность, исследуемая как объект общественного развития, получает свою содержательную характеристику через систему общественных функций-ролей, которые ею усваиваются в процессе социализации. Описывая личность через систему ролей, социальные психологи характеризуют личность именно как представителя той или иной социальной группы, класса, того или иного социального целого. Здесь мы сталкиваемся с вопросами о соотношении общественных и межличностных отношений, о механизмах усвоения личностью общественно-исторического опыта. Адекватная постановка первого из этих вопросов, по мнению *Г.М. Андреевой* (1981), предполагает отказ от механистического рассмотрения межличностных отношений как расположенных «над», «под» или где-то «вне» общественных отношений, детерминирующих развитие личности. Для решения этого вопроса необходимо четко выделить различные планы изучения того, как индивид вовлекается в общественные отношения. Так, например, исследование существующих у определенной социальной группы представлений о взаимоотношениях между «руководителями вообще» и «подчиненными вообще» — это одна плоскость изучения личности в системе общественных отношений; исследование «нормативно-ролевых» отношений между участниками совместной деятельности — вторая плоскость; изучение отношений между людьми, при которых мотивы одного человека приобретают субъективную ценность, личностный смысл для другого человека, — еще одна плоскость анализа вовлеченности

личности в общественные отношения. Для решения вопроса о соотношении общественных и межличностных отношений нам представляется целесообразным выделить три уровня анализа включения личности в общественные отношения: квазипсихологический, интерпсихологический и интрапсихологический.

На квазипсихологическом уровне проводятся исследования социальных ролей, эталонов восприятия, фиксированных в понятиях языка черт личности, которые отражают некоторую типичную для данной культуры, нации или группы личность. Именно на этом уровне ведется большинство исследований проблемы социально-типического в личности, в частности социального и национального характера. Отметим, что некоторые широко распространенные

опросники, вроде опросника Р. Кэттелла, относятся к инструментам, работающим прежде всего на квазипсихологическом уровне анализа личности. Концептуальный мост между квазипсихологическим и интерпсихологическим уровнями анализа личности представляется возможным перебросить благодаря разработанной В.А. Ядовым (1980) концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности, которая может служить основой разработки типологий социальных характеров. Вместе с тем эта концепция позволяет исследовать в первую очередь те представления о нормах, ценностях, идеалах, которые выступают для личности как «только знаемые» мотивы ее поведения; для того чтобы приблизиться к изучению «реально действующих» мотивов, необходимо обратиться к интерпсихологическому уровню анализа отношений личности в обществе.

На интерпсихологическом уровне анализа проводятся исследования общественных отношений личности, опосредствованных совместной деятельностью. Так, в русле теории деятельностного опосредствования межличностных отношений А.В. Петровского (1979) был получен ряд феноменов (например, коллективистическое самоопределение, референтность), которые одновременно являются и характеристикой группы, и качеством личности. Встает вопрос: при каких условиях эти феномены, характеризующие прежде всего *нормативно заданные ролевые отношения* между участниками совместной деятельности, превращаются в еще один класс феноменов, отражающих *личностно-смысловые* отношения между людьми? Где начинается «переход от маски к человеку во всей полноте его человеческого бытия»? (С.Л. Рубинштейн, 1973, с. 364). Условия перехода от феноменов класса «группа — личность» в смысловые проявления личности могут быть исследованы на материале социальной перцепции. Так, экспериментально выявленные А.А. Бодалевым (1965) феномены обусловленного различными установками восприятия человека человеком характеризуют, на наш взгляд, нормативно-ролевое восприятие человека как типичного представителя той или иной социальной группы; они могут служить своеобразным индикатором характеристики уровня отношений, в которые вовлекается личность. Стоит, однако, человеку отойти от тех образцов, которые в глазах общающихся с ним являются выражением нормы, различных эталонов и стереотипов, возникнут условия для перехода от «объектного» восприятия к «субъектному» (А.У. Хараиш, 1980), от нормативно заданных ролевых отношений к личностно-смысловым отношениям. *Отклонение от нормативно заданной деятельности и является условием перехода от ролевых отношений к смысловым отношениям личности* (А.Г. Асмолов, 1979), которые исследуются на *интрапсихологическом уровне* анализа отношений личности в обществе.

Вторая большая проблема, которая встает при изучении роли социальной среды в развитии личности, — это *проблема социализации*. При разноречивости трактовок процесса социализации пониманию механизма социализации как перехода от интерпсихического к интрапсихическому, предложенному Л.С. Выготским, нет содержательных альтернатив. За этим переходом стоит в действительности механизм интериоризации — экстериоризации.

В самом механизме социализации необходимо выделять три различные грани; индивидуализация — переход от социальной коллективной деятельности к индивидуальным формам деятельности; интимизация — переход от «мы» к «я», отражающий процесс становления самосознания личности; производство внутреннего плана сознания — преобразование внешнего во внутреннее (*А.Г. Асмолов, 1982*).

Итак, выделенные нами уровни анализа вовлеченности личности в общественные отношения позволяют увидеть различные сечения межличностных отношений в системе общественных отношений, а также указать точки приложения усилий коллективов советских психологов. В качестве механизма усвоения общественно-исторического опыта выступает интериоризация. Без учета выделенных граней интериоризации вряд ли возможно проникнуть в психологическую природу механизмов обучения и воспитания личности. Однако более полная картина представлений о механизме усвоения общественно-исторического опыта будет получена лишь в том случае, если мы перейдем от рассмотрения личности как объекта общественного развития к изучению проявлений активности личности.

Движущие силы развития личности. Веер подходов к решению проблемы мотивации развития личности чрезвычайно широк. Однако при всем многообразии этих подходов за большинством из них в зарубежной психологии, как это показано *Л.И. Анцыферовой (1974)*, стоят две методологические предпосылки — принцип стремления к равновесию (психоанализ, когнитивная психология, необихевиоризм) и принцип стремления к напряжению (концепции гуманистической и экзистенциальной психологии *А. Маслоу, Г.Оллпорта, В. Франкла*). Не останавливаясь здесь на разборе этих подходов (*М.Г. Ярошевский, 1974; В.А. Петровский, 1975; В.Г. Асеев, 1976*), отметим общие для них черты в понимании движущих сил развития личности: а) постулирование существования некоего единого первоисточника, фактически первоотлчка развития личности, неизменного и спрятанного в глубинах индивида; б) преобладание формально-динамического описания движущих сил развития личности над их содержательным анализом и отсутствие адекватного подхода к изучению их общественно-исторической обусловленности; в) постулирование положения о подчиненности активности субъекта некоторой заранее предустановленной цели и понимание человека преимущественно как адаптивного существа.

Напротив, советская психология основывается на принципе саморазвития личности, который предполагает выделение положений, во-первых, о роли борьбы противоположностей, противоречия и гармонии этих противоположностей как движущей силы развития личности (см.: *Л.И. Анцыферова, 1978; Б.В. Зейгарник, 1979*), во-вторых, о существовании источника саморазвития деятельности

в самом процессе деятельности (*С.Л. Рубинштейн, 1973, А.Н. Леонтьев, 1977*). На наш взгляд, первая продуктивная попытка найти источник развития деятельности в ней самой принадлежит *Д.Н. Узнадзе (1966)*, который ввел представления о функциональной тенденции, подчеркнув, что деятельность может активизироваться не под влиянием потребности, а сама по себе содержит тенденцию к активации. Именно функциональная тенденция является источником игры и творчества, подчиняющихся формулам «творчество ради творчества», «игра ради игры». Представления *Д.Н. Узнадзе* о функциональной тенденции могут служить теоретической основой для конкретных разработок мотивации развития ребенка, например потребности во впечатлениях (*Л.И. Божович, 1968*) и потребности в общении (*М.И. Лисина, 1978*) как специфически человеческих движущих силах развития личности.

В этих работах, реально реализующих принцип саморазвития, мы сталкиваемся с тем случаем, когда новые представления облачаются в старые терминологические одежды. То,

что потребности в общении, впечатлениях не возникают в виде импульса изнутри или извне, не являются адаптивными и гомеостатическими по своей природе, а имеют в качестве своего мотивирующего источника сам факт взаимодействия субъекта с миром, позволяет предположить, что мы имеем дело не с потребностями в ортодоксальном смысле слова, а как раз с функциональными тенденциями. Дальнейшее углубление представлений о механизмах саморазвития деятельности осуществлено в работах В.А. Петровского (1975) и В.Г. Асеева (1978).

Периодизация развития личности и пути ее исследования. Любые представления о движущих силах развития личности должны быть проверены на оселке проблемы периодизации психического развития. В концепции Д.Б. Эльконина (1971) двигателем развития выступают противоречия между операционально-техническими возможностями ребенка и развитием его мотивационно-потребностной сферы. Уже сейчас выделяются следующие пути конкретизации этой схемы психического развития: а) исследования общения как своего рода сквозного механизма смены ведущих деятельностей в онтогенезе (*М.И. Лисина, 1978*); б) изучение соотношения возрастных периодизаций развития индивида с периодизациями развития личности, в частности выявление роли пола, сензитивных периодов созревания индивида (*Н.С. Лейтес, 1978*) в процессе становления личности. (Как, например, соотносится возникновение стадии непосредственно-эмоционального общения, присущей первому году жизни (*М.И. Лисина*), с сензитивным периодом в созревании таких параметров темперамента, как эмоциональность и общая активность (*В.Д. Небылицын*); в) анализ периодизации развития личности в зрелом возрасте, до сих пор остающийся «белым пятном» в отечественной психологии (см. об этом: *Б.Г. Ананьев, 1980*); г) изучение изменений различных новообразований личности на разных стадиях развития личности (*А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, Е.В. Субботский, С.Г. Якобсон, В.Э. Чудновский, В.В. Столин*).

До сих пор мы касались вопросов, затрагивающих различные аспекты развития личности. Если же в центр анализа ставится вопрос о том, *что* формируется, то становится необходимым рассмотрение представлений о структуре личности.

Единицы анализа структуры личности. Существуют две методологические предпосылки, затрудняющие эвристичную постановку проблемы структуры личности в современной психологии. Первая из них заключается в имплицитном отождествлении структуры личности со структурой того или иного физического объекта, например с анатомической структурой организма. Этот унаследованный психологией от механистического материализма способ мышления о структуре толкает исследователей на путь атомарного анализа психики, в ходе которого предмет изучения разлагается на элементы, утрачивающие свойства, присущие этому предмету как целому (*Л.С. Выготский, 1956*). Яркими примерами подобного подхода к изучению структуры личности являются концепции, в которых эта структура механически собирается из набора различных факторов (черт личности) или блоков темперамента, мотивации, прошлого опыта, характера и т. п. Продуктами анализа в русле «факторного» и «блочного» подходов оказываются либо застывшая статичная структура личности, в которой факторы циклотимии — шизотимии и богемности — практичности уживаются в одной плоскости (*Р. Кэттелл*), либо надстроенные друг над другом блоки, генетические, структурные и функциональные связи между которыми остаются невыявленными. Вторая же предпосылка заключается в убеждении, что в каком-либо одном динамическом образовании личности, будь то влечение, диспозиция, установка, отношение, потребность или мотив (иерархия мотивов), как в фокусе, сконцентрированы свойства личности как целого. Тем самым неявно признается, что характеризуя эти образования, дают характеристику самой личности. Перспективность этого подхода состоит в том, что во главу угла изучения структуры личности ставится такая центральная характеристика личности, как направленность (см.: *Б. Ф. Ломов, 1981*)

Но направленность представляет собой емкую *описательную* характеристику структуры личности. Для того же, чтобы ее раскрыть, необходимо перейти от принципа анализа структуры личности по элементам к принципу анализа по единицам и вычленив требования к единицам анализа структуры личности, ориентируясь на представления о параметрах единиц анализа психики, сформулированные Л.С. Выготским, их разработку в советской психологии (*Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко, 1982*), а также на исследования динамической организации личности в советской и зарубежной психологии. Мы вычленим следующие требования к единице анализа структуры личности: 1) динамичность (в единице должно быть учтено, что личность есть динамическое образование); 2) наполненность предметным содержанием, интенциональность

123

(только выявив, *на что* направлена динамическая тенденция, можно раскрыть предметное содержание единицы структуры личности); 3) уровень отражения того или иного содержания (осознаваемый, неосознаваемый); 4) раскрытие происхождения, социальной детерминации образований структуры личности; 5) учет типа структурных связей, прежде всего иерархических взаимосвязей организации личности; 6) объяснение развития и саморазвития личности, ее внутрилличностной динамики; 7) необходимость отражения внутреннего единства личности, например единства аффекта и интеллекта, 8) в единице должны содержаться в виде противоположностей свойства целого, например индивидуального сознания и деятельности личности; 9) единица должна быть операционализируема; 10) она должна содержать существенные свойства целого.

Единица анализа структуры личности, если она отвечает всем указанным требованиям, должна раскрыть механику функционирования и развития, определяющую направленность личности. Лишь выделяя каждый раз такие моменты динамики личности, как мотивы деятельности, личностные смыслы, установки, поступки и деяния (а не выдергивая их по одному из потока жизни личности) и раскрывая их генетические, функциональные и структурные связи друг с другом, мы вычленим единицу анализа структуры личности. В качестве таких единиц могут выступить *динамические смысловые системы личности*. Это понятие введено Л.С. Выготским, охарактеризовавшим динамическую смысловую систему как единство аффективных и интеллектуальных процессов. Понять основные особенности динамической смысловой системы как единицы анализа личности — это значит раскрыть механику порождения и функционирования этой системы. Причем при раскрытии ее содержания следует учитывать как движение от деятельности к индивидуальному сознанию, так и от индивидуального сознания личности к деятельности. Исходный пункт этого движения, если абстрагироваться от момента выбора личностью тех или иных мотивов, обусловленного прежде всего социальной позицией личности в обществе, — это порождение динамической смысловой системы в процессе деятельности, побуждаемой смыслообразующим мотивом. Деятельность и выступает как системообразующее основание динамической смысловой системы. Производность динамических смысловых систем от порождающей их совокупности деятельностей, реализующих объективные общественные отношения, представляет собой центральную характеристику смысловых систем, отражающую их социальную детерминацию. Осуществляемые посредством деятельности объективные отношения личности в мире интериоризуются и воплощаются в индивидуальном сознании в виде личностного смысла событий и поступков человека. Оценка личностного смысла производится эмоциями. Личностный смысл какого-либо события или действия и есть то, что мы находим в единицах структуры личности, т. е. это отражение содержания отношения личности к действительности. Одновременно личностный смысл есть «значение — для — меня», а тем самым единство аффективных и интеллектуальных процессов. Личностные смыслы, как правило, представлены в индивидуальном сознании на неосознаваемом уровне. Если же личностный смысл

осознается, он может стать ценностью личности (Б.В. Зейгарник, Б.С. Братусь, 1980). Осознанные личностные смыслы, даже если они вдруг оказываются противоречащими разделяемым личностью нормам и идеалам, другим мотивам личности, не изменяются от самого факта их осознания. Разгадку механизма движения личностных смыслов в индивидуальном сознании, внутриличностной динамики следует искать в противоречиях, а порой и конфликтах между иерархически связанными мотивами. Когда же в процессе борьбы мотивов тот или иной мотив одерживает верх, начинается движение от личностного смысла к деятельности. Встает вопрос: как отраженная в личностном смысле направленность по отношению к действительности фиксируется во времени и принимает участие в регуляции деятельности. Двигаясь от индивидуального сознания к деятельности, мы выделяем такую составляющую динамических смысловых систем, как смысловая установка личности (А.Г. Асмолов, 1979). Именно смысловые установки определяют в конечном итоге устойчивость и направленность поведения личности, ее поступки и деяния.

Одним из самых трудных вопросов изучения динамических смысловых систем является вопрос об их операционализации. Феноменологически эти системы наиболее рельефно проявляются в различных ситуациях искусственного прерывания, сбоев деятельности (А.Г. Асмолов, 1979) Этому приему отвечают используемые для диагностики смысловых проявлений личности проективные методики (Е.Т. Соколова, 1980; В.В. Столин, 1981), методы изучения сверхнормативной активности личности (А.В. Петровский, 1979), изменения позиции ребенка (Е.В. Субботский, 1977), опосредствованные методики изучения личности через анализ познавательных процессов (Б.В. Зейгарник, 1971, и др.). Поиск методов изучения, диагностики смысловых систем должен пойти по пути создания методических моделей, позволяющих изучить такие проявления активности личности, как инициативность, самостоятельность, независимость и т. п. Для изменения смысловых систем используется методический принцип деятельностного опосредствования. Его суть состоит в следующем: для того чтобы перестроить смысловые образования личности, необходимо выйти за пределы этих образований и изменить порождающие их деятельности. Из этого принципа вытекает, что насущной необходимостью современной психологии личности является разработка таких активных методов воздействия на личность, как методы социально-психологического тренинга, игровые методы, а также методы, моделирующие «подстановку себя на место другого в ситуации морального выбора» (А.Г. Асмолов, 1980).

До этого момента мы двигались преимущественно по направлению от деятельности к личности. Однако чтобы проанализировать

личностные механизмы регуляции деятельности, необходимо проделать обратное движение — от личности к деятельности и увидеть личность еще в одной проекции — личность как субъект деятельности.

Продуктивный и инструментальный планы проявления личности как субъекта деятельности. При изучении личности как субъекта деятельности мы обращаемся к проблемам воли, характера, способностей и одаренности или, иными словами, к проблемам анализа индивидуальности личности. Для того чтобы приблизиться к их исследованию, необходимо вслед за А.Н. Леонтьевым (1975) отказаться от взгляда на личность только как продукт прошлого опыта. Чем более зрелой становится личность, чем разветвленнее становится система ее связей с миром, чем чаще она сталкивается с проблемой выбора между мотивами, тем в большей мере она из объекта общественного развития превращается в субъекта деятельности, творца общественного процесса. *Изучая личность как субъект деятельности, мы исследуем то, как личность преобразует, творит предметную действительность, в том числе и самое себя, вступая в активное отношение к своему опыту, к своим потенциальным мотивам, к своему характеру,*

способностям и продуктам своей деятельности. В последнее время ряд исследователей все более энергично пытаются воплотить при анализе личности сформулированный С.Л. Рубинштейном принцип субъекта деятельности (см., например: В.Э. Чудновский, 1981, К.А. Абульханова-Славская, 1982). Можно вычленил два плана анализа проявлений личности как субъекта деятельности: продуктивный и инструментальный.

Говоря о *продуктивных проявлениях* личности как субъекта деятельности, мы имеем в виду процессы активности личности, возникающие при отклонениях от нормативно заданных линий поведения, процессы самоотдачи, преобразования себя и других. Стоит произойти такому отклонению — и личность сталкивается в возникшей неопределенной ситуации с проблемой выбора между различными мотивами и ролями. Именно в ситуациях свободного выбора личность особенно рельефно проявляется как субъект деятельности, а история развития личности становится историей отклоненных ею альтернатив (Б.Ф. Поршнев, 1969). Любая типология личности как индивидуальности, любая периодизация развития зрелой личности, которые еще предстоит создать, не могут оставить в стороне специфические проявления личности в ситуации личностного выбора, анализа ориентировки личности в системе смыслообразующих мотивов. Не случайно П.Я. Гальперин (1976) отмечает, что главным критерием зрелости личности является ее ответственность за свои поступки, а личностью в полном смысле этого слова может считаться общественно ответственный субъект. В ситуации выбора личности приходится создавать приемы и средства для овладения своим поведением. Далек от исчерпанными возможностями для перевода психологического анализа проблемы выбора из сферы спекулятивных рассуждений в сферу экспериментальных исследований обладает инструментальный историко-генетический метод изучения высших психических функций (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, 1930). Поиск внешних и внутренних средств в ситуации борьбы мотивов, исследование рудиментарных культурных форм воли, вроде бросания жребия, открывает путь к изучению происхождения различных защитных механизмов личности. Эти приемы защиты и компенсации рассматриваются в русле школы Л.С. Выготского как средства саморегуляции, овладения поведением личности, а не как антагонисты по отношению к сознанию (Б.В. Зейгарник, 1979). Не являются ли в социогенезе магические действия изгнания злых духов рудиментарной формой катарсиса? Не представляет ли в онтогенезе идентификация свернутое и перешедшее в идеальный план действие подстановки себя на место другого? Все эти вопросы требуют специального исследования, направленного на изучение социального генезиса защитных приемов в истории общества и онтогенезе личности.

Личность как субъект деятельности проявляется и в процессах формирования новых целей, целеобразования (О.К. Тихомиров, 1977). К продуктивным проявлениям личности как субъекта деятельности относятся не только преобразования себя, но и те преобразования, которые личность своими поступками и деяниями вносит в смысловую сферу других людей, в культуру, в общественное производство. В разрабатываемой А.В. Петровским и В.А. Петровским (1982) концепции «личностных вкладов» подчеркивается, что активность личности, реализующая *смысловое отношение* к людям, осуществляется посредством *деяний*, т. е. непреднамеренных, нормативно не заданных проявлений активности субъекта, производящих преобразования в других людях и тем самым вносящих в них значимый для них вклад. В деяниях происходит персонализация личности, продолжение ее в других людях. Не «самоактуализация», как ее понимают А. Маслоу и Г. Оллпорт, а актуализация себя в других представляет собой основной путь развития индивидуальности личности. Таким образом, в процессах личностного выбора, постановки новых целей, овладения различными критическими ситуациями, в преобразованиях других и себя проявляется творческая природа личности как субъекта деятельности, ее индивидуальность.

К *инструментальным проявлениям* личности как субъекта деятельности относятся характер и способности личности. Что касается способностей, то они, как отмечают

придерживающиеся самого разного понимания генезиса способностей советские психологи (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов), определяют меру успешности и эффективности деятельности. Рассматривая характер как инструментальное проявление личности, мы понимаем под характером фиксированную форму выражения смыслового опыта, смысловых установок, актуализирующуюся в присутствии личности индивидуальном стиле действия, посредством которого достигаются те или иные мотивы. Если мотивационные линии определяют стратегию жизни

личности, то характер определяет тактику поведения личности, действующей ради достижения своих мотивов. Такое понимание характера основывается на представлениях о характере, развивавшихся Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и Д.Н. Узнадзе. С точки зрения этих авторов, строящих динамическую концепцию характера, единицами анализа характера являются динамические тенденции личности, фиксированные генерализованные установки личности. Установки обладают рядом особенностей. Во-первых, фиксированные смысловые установки как бы сохраняют во времени, несут в себе ведущие отношения личности к действительности, определяя устойчивость поведения личности. Во-вторых, эти установки актуализируются при встрече с соответствующей им ситуацией и проявляются в индивидуальном стиле деятельности личности. В-третьих, судьба установок в процессе деятельности позволяет понять генезис характера личности (см.: С.Л. Рубинштейн, 1973). Именно смысловые установки становятся чертами характера. В-четвертых, смысловые установки проявляются в психотонической активности личности (материальном субстрате характера), попытки изучения которой предприняты А.В. Запорожцем (1960) и А. Валлоном (см.: Л.И. Анцыферова, 1981). Познотонические выражения характера и служат тем зримым языком, посредством которого происходит невербальная коммуникация. В опоре на эти проявления мы видим один из методических путей преобразования характера личности, его перестройки в процессе общения и деятельности. Нередко возникают ситуации противоборства между личностью и характером. Личность вступает в отношение к характеру как к чему-то внешнему, способствующему или препятствующему достижению ее целей. Как часто приходится встречаться с людьми, которые сетуют на свой характер, но вряд ли удастся найти человека, который бы пожаловался на свою личность. Подобные отношения между планом содержания личности (ее ценностями, смыслами, мотивами) и планом выражения личности (ее характером) недвусмысленно свидетельствуют о существовании единства, но не тождества личности и характера. В заключение еще раз укажем существенные особенности личности как субъекта деятельности.

Быть личностью — это значит иметь активную жизненную позицию, осуществлять выборы, возникающие в силу внутренней необходимости, уметь оценить последствия принятого решения и держать за них ответ перед собой и обществом, в котором живешь.

¹На постоянно действующем методологическом семинаре при Центральном совете Общества психологов СССР в декабре 1982 г. состоялось заседание, посвященное проблемам психологии личности. Ниже публикуются статья А.Г. Асмолова, написанная на основе сделанного на семинаре доклада, а также материалы обсуждения этого доклада.